

DOI: 10.31857/S0321507525030067

Современные проблемы Синьцзяна в условиях реализации крупных экономических проектов Китая

© Буяров Д.В.^а, 2025

^а Благовещенский государственный педагогический университет, Благовещенск, Россия
ORCID: 0000-0002-8337-6817; buyarov_d@mail.ru

Резюме. В статье рассматривается развитие Синьцзян-Уйгурского автономного района в контексте осуществления Китаем ряда крупных экономических проектов, нацеленных на развитие как отдельных регионов, так и страны в целом. В 2000-е гг. КНР стала реализовывать такие проекты, как «Развитие Западного Китая» и «Один пояс, один путь» (ОПОП), которые были призваны решить проблемы отставания западных (внутриконтинентальных) районов страны, удовлетворить ее потребности в энергоресурсах и способствовать развитию внешней торговли. Значение СУАР для КНР в начале XXI в. возрастает благодаря его хозяйственно-экономическим и геостратегическим характеристикам. Синьцзян превращается в геоэкономический форпост Китая в Центрально-Азиатском регионе. В то же время не удалось решить ряд проблем. В современном Синьцзяне высокие показатели макроэкономического развития соседствуют с комплексом социально-экономических проблем.

Ключевые слова: Китай, Синьцзян-Уйгурский автономный район, Синьцзян, «Развитие Западного Китая», «Один пояс, один путь», экономические проблемы, ханьцы, уйгуры, национальные меньшинства

Для цитирования: Буяров Д.В. (Благовещенск). Современные проблемы Синьцзяна в условиях реализации крупных экономических проектов Китая. *Азия и Африка сегодня*. 2025. № 3. С. 48–57. DOI: 10.31857/S0321507525030067

Modern Problems of Xinjiang in the Context of the Implementation of Major Economic Projects in China

© Dmitry V. Buyarov^a, 2025

^a Blagoveshchensk State Pedagogical University, Blagoveshchensk, Russia
ORCID: 0000-0002-8337-6817; buyarov_d@mail.ru

Abstract. The article examines the development of the Xinjiang Uyghur Autonomous Region (XUAR) in the context of China's implementation of a number of large economic projects aimed both at the development of individual regions and the country as a whole. In the 2000s, China began to implement such projects as “Development of Western China” and “One Belt, One Road”, which were designed to solve the problems of lagging the western (inland) regions of the country, meet its energy needs and promote the development of foreign trade. The importance of XUAR for China at the beginning of the XXI century increases due to its economic and geostrategic characteristics. Xinjiang is turning into a geo-economic outpost of China in the Central Asian region. At the same time, a number of problems could not be resolved. In modern Xinjiang, high indicators of macroeconomic development are adjacent to a complex of socio-economic problems.

Keywords: China, Xinjiang Uyghur Autonomous Region, Xinjiang, “Development of Western China”, “One Belt, One Road”, economic problems, Han Chinese, Uighurs, national minorities

For citation: Buyarov D.V. (Blagoveshchensk). Modern Problems of Xinjiang in the Context of the Implementation of Major Economic Projects in China. *Asia and Africa today*. 2025. № 3. Pp. 48–57. (In Russ.). DOI: 10.31857/S0321507525030067

ВВЕДЕНИЕ

Значение Синьцзяна для Китая определяется его геополитическим положением с точки зрения обеспечения безопасности, его значительным транзитным и ресурсным потенциалом. На протяжении

столетий Синьцзян был беспокойной национальной окраиной Поднебесной, и политические усилия различных китайских правительств – от императорского до коммунистического – были направлены на силовое подчинение и удержание Синьцзяна в составе китайского государства. Современное китайское руководство, наряду с силовыми методами, делает акцент на социально-экономических реформах.

В первой четверти XXI в. правительство КНР стало осуществлять крупномасштабные экономические проекты, направленные на развитие отдельных провинций, страны в целом и ориентированные на международную экономику. Такими проектами стали «Развитие Западного Китая» и «Один пояс, один путь», которые были нацелены и на развитие Синьцзяна – одной из самых богатых сырьевыми ресурсами провинций Китая, обладающей 40% угля, 28% газа и 22% нефти всей страны [1]. Полезные ископаемые, сельскохозяйственные ресурсы, выгодное геостратегическое положение делают Синьцзян важным компонентом внутри- и внешнеполитической стратегии КНР.

В первой четверти XXI в. СУАР демонстрирует весьма высокие темпы роста экономики, увеличение ВВП как в абсолютном выражении, так и в перерасчете на душу населения. В то же время комплексное развитие СУАР отстает от показателей большинства других регионов КНР, увеличивается комплекс проблем, приобретающий хронический характер. Анализу этих проблем и трудностей посвящено наше исследование. Оно опирается на работы отечественных и зарубежных, в т.ч. китайских, ученых, а также официальные источники¹.

РАЗВИТИЕ СИНЬЦЗЯНА В УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЕКТОВ КИТАЯ

В июне 1999 г. Цзян Цзэминь объявил о начале кампании «Развитие Западного Китая» или «Западное развитие» [2]. Западный Китай включает в себя 12 провинций, в т.ч. и СУАР. Во многом этот курс был нацелен на то, чтобы за счет крупных инвестиций западные и центральные районы догнали в своем развитии восточные провинции КНР [3]. Основными направлениями программы стали развитие инфраструктуры, привлечение иностранных инвестиций, защита окружающей среды и развитие образования. В результате реализации программы доля ВРП западных районов увеличилась до 20,2% в 2014 г., но по-прежнему заметно отставала по сравнению с восточными провинциями [4, с. 190].

В 2012 г. Си Цзиньпин выступил с инициативой «Один пояс, один путь», также известной как Новый Шелковый путь. СУАР стал превращаться в центр международной торговли [5; 6, р. 25]. Хотя проект преследовал различные цели, две из них рассматривались как приоритетные: обеспечение поставок энергоресурсов по трубопроводам из Центральной Азии в Западный Китай и далее на восток и подъем экономического развития до уровня восточных районов КНР путем проведения индустриализации [7]. В новом экономическом проекте СУАР отводилась одна из ключевых ролей [8, с. 32]. В рамках 13-го пятилетнего плана КНР (2016–2020) была заявлена цель развития «Синьцзяна как основного региона Экономического пояса Нового Шелкового пути»².

С одной стороны, реализация стратегии «Развития Западного Китая» и инициативы ОПОП нацелена на экономическое развитие СУАР и обеспечение там социальной стабильности. С другой стороны, их эффективное осуществление, в т.ч. в контексте трансграничных торгово-экономических отношений, возможно лишь при обеспечении безопасности в автономном регионе на северо-западе КНР, который имеет особое стратегическое положение, но и особые проблемы [9].

Для каждой провинции, входящей в состав западных районов, была разработана особая стратегия, которая должна была учитывать ее природно-климатические и хозяйственно-экономические особенности. Для Синьцзяна это была стратегия «красного», «белого» и «черного». «Красное» означало развитие бахчеводства и садоводства, включая производство томатов, гранатов, фиников. Второе направление («белое») предусматривало увеличение производства высококачественного хлопка. «Черное» означало наращивание добычи и переработки нефти и газа [10, с. 61].

¹ Источниками исследования послужили официальные материалы Комиссии по реформам и развитию СУАР, Национального статистического бюллетеня экономического и социального развития СУАР, Национального бюро статистики КНР, статистические данные международных рейтинговых агентств, материалы китайских СМИ (*прим. авт.*).

² https://oecd-ilibrary.org/docserver/bus_fin_out-2018-6-en.pdf?expires=1721815972&id=id&accname=guest&checksum=4303239B94E56963463C350DE034A612 (accessed 01.07.2024)

Результаты этой стратегии действительно показательны. Если в 2001 г. объем производства томатов составлял 1,39 млн т³, а хлопка – 1,5 млн т⁴, то в 2022 г. объем производства томатов равнялся 4,86 млн т, а хлопка – 5,39 млн т, что составило более 90% от общего объема по КНР⁵. В 2023 г. из-за сокращения посевных площадей производство хлопка незначительно сократилось – до 5,112 млн т⁶. В течение 3 последних лет СУАР продолжает лидировать в стране по производству энергоресурсов. В 2023 г. добыча угля составила 457 млн т, нефти – 32,7 млн т, природного газа – 41,727 млрд м³, при этом прирост по сравнению с 2022 г. составил 19%, 1,6% и 2,5% соответственно⁷.

Программа «Развития Западного Китая» и инициатива «Один пояс, один путь» действительно способствовали значительным экономическим сдвигам и развитию целых отраслей в СУАР. Так, например, за период с 2001 по 2019 г. объем пассажирских грузоперевозок вырос на 25%, а грузовых – на 304% [11, р. 7]. В 2023 г. объем пассажирских перевозок в СУАР достиг 62,73 млрд пассажиро-километров, а объем грузоперевозок составил 302,16 млрд тонно-километров⁸.

Достаточно результативно выполнялась задача по привлечению иностранных инвестиций в экономику автономного района. Почти за четверть века прямые иностранные инвестиции в экономику СУАР выросли в 35 раз, с \$19,2 млн в 2000 г. до \$681 млн в 2023 г.⁹ Более 25% от общего объема использованных инвестиций поступает из специального административного района КНР – Гонконга, также крупными инвесторами выступают Южная Корея и Тайвань. Ведущим сектором экономики, привлекающим иностранные инвестиции, является горнодобывающая промышленность, на которую приходится около 60% инвестиций¹⁰.

В первой четверти XXI в. СУАР быстро развивается как индустриально-аграрный район с динамичным ростом валового внутреннего продукта. В 2000 г., когда начал осуществляться проект «Развитие Западного Китая», ВВП автономного района равнялся 136,4 млрд юаней (\$16,6 млрд), по итогам 2023 г. ВВП составил 1 трлн 912,6 млрд юаней (\$271,4 млрд). При этом валовой внутренний продукт на душу населения в Синьцзяне за эти годы вырос в 10 раз – с 7,3 тыс. юаней в 2000 г. до 73,7 тыс. юаней (\$10,3 тыс.) в 2023 г.¹¹

За годы реализации крупных экономических проектов внешнеторговый оборот СУАР возрос с \$2,26 млрд в 2000 г. до \$50,679 млрд в 2023 г.¹² Внешнеторговый оборот Синьцзяна традиционно профицитный, что объясняется номенклатурой товаров в экспорте и импорте провинции. СУАР в основном импортирует полезные ископаемые с низкой стоимостью, частично перерабатывая их на своей территории, частично транспортируя на восток КНР. В то же время в экспорте СУАР преобладают машины, оборудование, электротовары, одежда¹³.

Согласно планам правительства, в период 2001–2010 гг. среднегодовые темпы роста ВВП должны были составлять 10%, а в период 2011–2030 гг. – около 7%. В эти годы экономика СУАР развивалась форсированными темпами и прирост ВВП, как правило, даже превышал запланированные рамки, за исключением снижения, связанного с пандемией *COVID-19*.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СИНЬЦЗЯНА

В условиях весьма успешного на первый взгляд экономического развития автономный район характеризуется наличием определенных проблем, которые сохраняются, несмотря на, казалось бы, такие эффективные экономические проекты КНР, как «Развитие Западного Китая» и «Один пояс, один путь».

³ https://m.thepaper.cn/newsDetail_forward_29249387 (accessed 01.07.2024)

⁴ <http://www.tjcn.org/tjgb/31xj/3359.html> (accessed 01.07.2024)

⁵ https://finance.cnr.cn/jjgd/20231008/t20231008_526443750.shtml (accessed 01.07.2024)

⁶ 国家统计局关于2023年棉花产量的公告 (Announcement of the National Bureau of Statistics on Cotton Production in 2023). (In Chin.). https://www.stats.gov.cn/sj/zxfb/202312/t20231225_1945745.html (accessed 01.07.2024)

⁷ <https://tjj.xinjiang.gov.cn/tjj/xxfb/202402/5615c22860b5498b95e01481e62eef01.shtml#:~:text=2023%E5...> (accessed 02.07.2024)

⁸ <https://www.xinjiang.gov.cn/xinjiang/tjgb/202404/78f1b33dcaa94a9b83a8d291d0ff0461.shtml> (accessed 02.07.2024)

⁹ https://www.xinjiang.gov.cn/xinjiang/tjgb/zfxgk_gknrz.shtml (accessed 05.07.2024)

¹⁰ Xinjiang: Market Profile. 2022. <https://research.hktdc.com/en/data-and-profiles/mcpc/provinces/xinjiang> (accessed 05.07.2024)

¹¹ https://www.xinjiang.gov.cn/xinjiang/tjgb/zfxgk_gknrz.shtml (accessed 05.07.2024)

¹² Ibid.

¹³ https://oec.world/en/profile/subnational_chn/xinjiang-uygur-autonomous-region (accessed 08.07.2024)

В рейтинге экономического развития регионов Китая СУАР располагается ближе к концу списка и занимает 24-е место (из 31 провинции КНР). Валовой внутренний продукт на душу населения в Синьцзяне традиционно отстает от среднего показателя по Китаю (см. *диагр.* 1).

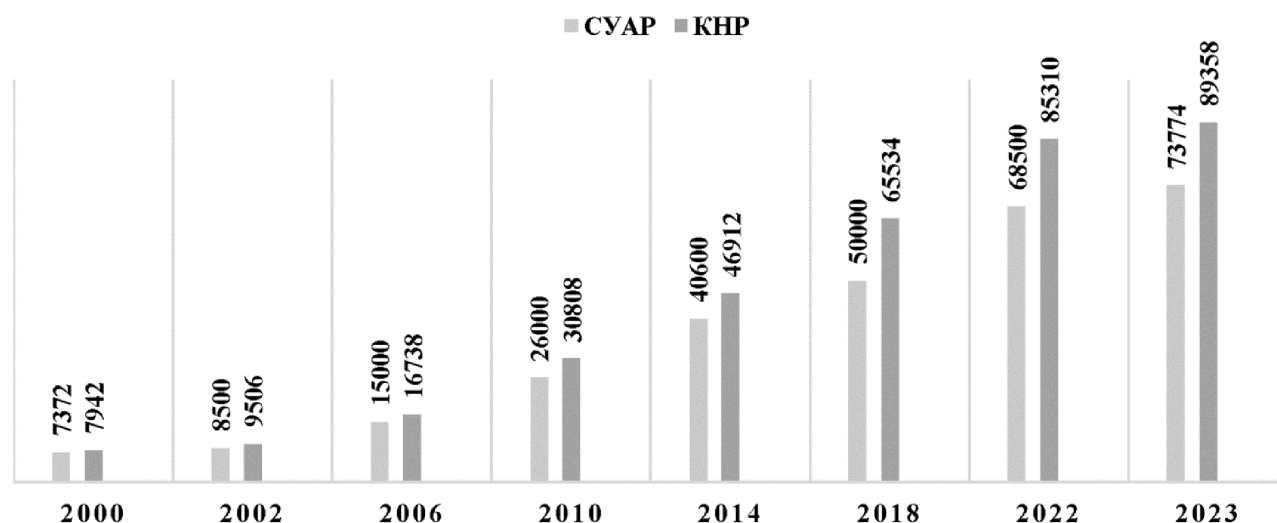

Диаграмма 1. Рост ВВП на душу населения в СУАР и КНР (юани)

Chart 1. GDP per capita growth in the XUAR and the People's Republic of China (yuan)

Составлено по: XUAR. National Statistical Bulletin of Economic and Social Development. (In Chin.).

https://www.xinjiang.gov.cn/xinjiang/tjgb/zfxgk_gknrz.shtml; GDP per capita (current LCU) – China.

<https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CN?locations=CN> (accessed 10.07.2024)

В свою очередь, уровень ВВП влияет на уровень реальных доходов населения автономного района. Как отмечают представители региональных властей, по данным 2021 г., располагаемый доход городских жителей Синьцзяна равнялся 37,6 тыс. юаней, а сельских – 15,5 тыс. Хотя темпы его роста были на 0,9% выше, чем в среднем по стране, абсолютная сумма была на 9,7 тыс. и 3,3 тыс. юаней ниже соответственно, что ставило регион на 28-е и 22-е место соответственно в национальном рейтинге [12]. В 2023 г. средний доход городских жителей СУАР составил 40,5 тыс. юаней, сельских – 17,9 тыс.¹⁴, что ниже аналогичных показателей в целом по стране, равных 51,8 тыс. юаней и 21,6 тыс. соответственно¹⁵.

По такому показателю социально-экономического развития, как уровень урбанизации, СУАР также продолжает отставать. Уровень урбанизации в Синьцзяне в 2021 г. достиг 57,26%, в то время как в среднем по стране он составлял 64,72%. По этому показателю Синьцзян занимал 26-е место из 31 провинции Китая [12].

При безусловном росте ВВП в первой четверти XXI в., в целом наблюдается сохранение пропорции долей основных секторов в экономике региона. В среднем по КНР на долю первичного сектора экономики приходится 7,3%, вторичного – 39,9% и третичного – 52,8%. В свою очередь, экономика СУАР в большей степени, чем во многих других провинциях, зависит от сельского хозяйства и добывающей промышленности [13]. По данным 2023 г., первичный сектор (сельское хозяйство и добывающие отрасли) составлял 14,3%, вторичный сектор (промышленность, энергетика и строительство) – 40,3% и третичный сектор (сфера услуг) – 45,4% (см. *диагр.* 2). По этим показателям СУАР отстает от среднего уровня по КНР.

К сожалению, отсутствует статистическая информация по развитию четвертичного сектора (научные исследования и разработки). Фактически в автономном районе не ведется масштабной работы в сфере инновационных технологий и прикладной науки, ориентированной на предпринимательство. Соответственно, правительство СУАР не включает сведения о прибыли, полученной от научных разработок, в годовые отчеты. Несмотря на то, что к 2023 г. выросла доля сектора услуг – до 45,4% от ВВП, это не характеризует Синьцзян как постиндустриальное общество. Рост объемов третичного сектора

¹⁴ <https://www.xinjiang.gov.cn/xinjiang/tjgb/202404/78f1b33dcaa94a9b83a8d291d0ff0461.shtml> (accessed 09.07.2024)

¹⁵ https://www.stats.gov.cn/sj/zxfb/202401/t20240116_1946622.html (accessed 09.07.2024)

пришелся на период пандемии *COVID-19*, когда новые импульсы получило развитие онлайн-торговли, здравоохранения. На сегодняшний день доля сферы услуг вновь стала снижаться по сравнению с периодом 5-летней давности. Все явственнее формируется модель, согласно которой СУАР является поставщиком ресурсов в восточные провинции КНР и выполняет роль трансграничного хаба.

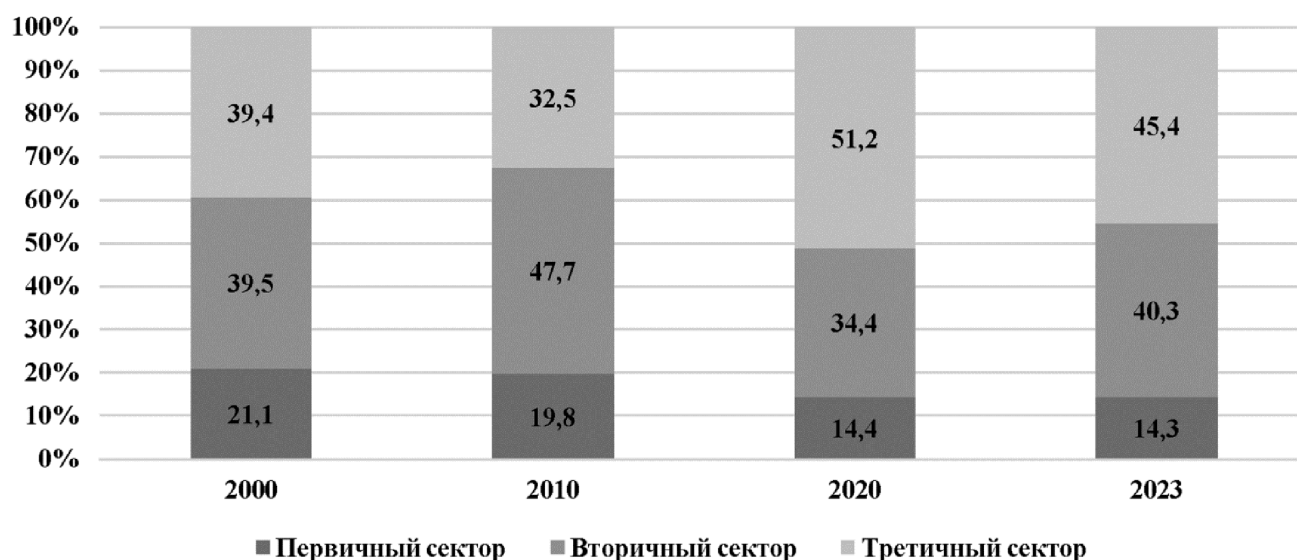

Диаграмма 2. Доля основных секторов в структуре экономики СУАР

Chart 2. Share of the main sectors in the structure of the economy of the XUAR

Составлено по: XUAR. National Statistical Bulletin of Economic and Social Development...

Немаловажной проблемой для экономики СУАР является введение западных санкций. Причинами введения санкций стали конкуренция США и КНР из-за производства хлопка и борьба за сферы влияния в Центральной Азии, а также обвинения в использовании принудительного труда в центрах профессионального переобучения. Примечательно, что китайское руководство косвенно признало использование принудительного труда. Так, в одной из Белых книг Китая «Профессиональное образование и обучение в Синьцзяне» (2019) прямо указывается, что обязательное перевоспитание включает в себя «обучение шитью, обработке пищевых продуктов, сборке электронных изделий, парикмахерским и косметическим услугам, техническому обслуживанию и ремонту автомобилей, животноводству, бытовым услугам, массажу...»¹⁶.

Международные санкции были введены против Синьцзянского производственно-строительного корпуса, против продажи хлопка, томатов, солнечной энергетики [14]. В июне 2022 г. в США был принят закон о «предотвращении принудительного труда уйгуров», который должен был ограничить импорт из Синьцзяна. Блокировке подлежали товары на сумму \$2 млрд весьма широкого ассортимента – от электроники до одежды, а сам запрет был рассчитан на 8 лет¹⁷. Санкции нанесли вред экономике СУАР: частично пострадали трансграничные и международные цепочки поставок из-за опасений перед первичными или вторичными санкциями, также негативное влияние испытала сфера образования и академическая мобильность.

Безусловно, СУАР справляется с экспортными ограничениями за счет развития торговли со странами Центральной Азии, а также Малайзией и Вьетнамом, но проблема санкций остается и влияет не только на экспорт, но и на приток инвестиций.

Определенные проблемы во внешней торговле Синьцзяна возникают не только в связи с западными санкциями. Так, например, Таможенный союз России, Беларуси и Казахстана поощряет торговлю между государствами-членами, что оказывает отрицательное влияние на импорт из СУАР. На фоне этого

¹⁶ https://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/201908/17/content_WS5d57573cc6d0c6695ff7ed6c.html (accessed 10.07.2024)

¹⁷ Xinjiang Foreign Trade hits record despite Western sanctions. 2023. <https://asia.nikkei.com/Spotlight/Supply-Chain/Xinjiang-foreign-trade-hits-record-despite-Western-sanctions> (accessed 10.07.2024)

происходит некоторое ослабление конкурентоспособности экспортных товаров Китая. Кроме того, некоторые компании из Центральной Азии стали совершать покупки в провинции Чжэцзян, что повлияло на посредническую роль Синьцзяна¹⁸.

В соответствии с политикой Си Цзиньпина по ликвидации бедности и формированию общества средней зажиточности к 2020 г., в СУАР также были приложены усилия в этом направлении. Кампания «Борьба за искоренение бедности» начинается в 2013 г. и усиливается с 2018 г., особенно на юге СУАР, традиционно отстававшем в своем экономическом развитии¹⁹. В рамках борьбы с бедностью осуществляется перемещение излишков рабочей силы из сельской местности с юга Синьцзяна (где преимущественно проживают уйгуры) на север автономного района [15; 16]. В период с 2016 по 2020 г. власти автономного района ежегодно переводили более 2,75 млн т.н. избыточных сельских работников на новые рабочие места [17]. Как правило, безработными являются не ханьцы, а представители национальных меньшинств. Уездные и региональные власти прилагают все усилия для того, чтобы они могли пройти профессиональное обучение и устроиться на работу на промышленные объекты. В то же время часть представителей национальных меньшинств отказывается от программ обучения и трудоустройства и расценивает это как дискриминацию по национальному признаку [18].

Недостаток квалифицированных рабочих власти района пытаются покрывать за счет привлечения ханьских мигрантов из других провинций. Политика развития западных регионов привела к увеличению потока внутренних мигрантов из числа ханьцев, что усилило чувство маргинализации среди национальных меньшинств Синьцзяна [19, р. 234]. Это, в свою очередь, способствует росту этносоциальных противоречий.

В процентном соотношении ханьцы преобладают в более богатых, урбанизированных северных округах СУАР, в то время как уйгуры составляют большинство в более бедных южных районах. Между ханьцами и уйгурами наблюдается серьезная диспропорция в профессиональной структуре и сфере занятости. Представители национальных меньшинств, в т.ч. уйгуры, заняты преимущественно в первичном, низкооплачиваемом секторе экономики. Зачастую уйгурам, имеющим эквивалентный или даже более высокий уровень образования, чем у ханьцев, сложнее найти высокооплачиваемую и высококвалифицированную работу [20; 21].

Результаты некоторых исследований показывают, что представителей национальных меньшинств в 2 раза реже принимают на престижные вакансии. Отчасти это объясняется тем, что часть уйгуров хуже владеет китайским языком, они также воспринимаются ханьскими работодателями как представители другой цивилизации [22].

Несмотря на усилия правительства по формированию и привитию образа «общекитайской нации», продолжают сохраняться негативные стереотипы в отношении национальных меньшинств. Это обусловлено культурно-языковыми и религиозными различиями, ассоциациями с экстремистской угрозой, якобы исходящей от тюркоязычного населения. Также в этих стереотипах не последнюю роль играет коммерциализированная версия этнической идентичности уйгуров (национальные песни, танцы, костюмы), что приводит к восприятию их как «чужих» в глазах ханьцев²⁰.

В условиях экономического развития и урбанизации постепенно выросла стоимость жизни в городских центрах, что способствовало внутренней миграции представителей национальных меньшинств (перемещение в небольшие населенные пункты) [23, р. 12]. Средняя стоимость жизни в Урумчи – столице СУАР – составляет \$590 при средней реальной заработной плате \$414, при этом по уровню жизни крупнейший город Синьцзяна находится на 112 месте в КНР²¹.

Несмотря на колоссальные запасы природных ресурсов и в целом успешное экономическое развитие, автономный район остается дотационным. На конец 2021 г. задолженность по государственному долгу составила 724,9 млрд юаней [24].

Синьцзян-Уйгурский автономный район продолжает жить в долг и на 2/3 в своих расходах зависит от центрального бюджета КНР (см. *табл.*). По сути, дефицитный местный бюджет СУАР отчасти обу-

¹⁸ <https://beltandroad.hktdc.com/en/insights/belt-and-road-development-story-trade-between-xinjiang-and-central-asia> (accessed 10.07.2024)

¹⁹ http://f.china.com.cn/2018-02/07/content_50442241.htm (accessed 15.07.2024)

²⁰ 马戎. 加快创建 «多元一体»的中华文化. <https://www.jingjidaokan.com/icms/null/null/ns:LHQ6LGY6LGM6MmM5NDkzOWM1MGE4MjFmMjAxNTBiN2M3OTA4NjA0NzAscDosYTosbTo=/show.vsm1> (accessed 15.07.2024)

²¹ Cost of Living in Urumqi. 2024. <https://livingcost.org/cost/china/urumqi> (accessed 15.07.2024)

словлен необходимостью значительных трат на содержание народной вооруженной милиции (внутренние войска КНР), полиции, систему слежения за населением и другие превентивные меры, направленные на пресечение терактов и насилия²².

Таблица. Структура бюджета СУАР (млрд юаней)
Table. The structure of the budget of the XUAR (bln yuan)

	2000 г.	2010 г.	2020 г.	2023 г.
Доходная часть:	20,31	188,56	553,91	604,96
Местный бюджет СУАР	9,55	69,26	147,721	217,97
Государственная финансовая помощь	11,9	119,3	406,189	386,99
Расходная часть	20,31	188,56	553,91	604,96

Составлено по: XUAR. National Statistical Bulletin of Economic and Social Development...

Вследствие высокой степени террористической угрозы и религиозного экстремизма центральное правительство и власти автономного региона были вынуждены повышать расходы на поддержание безопасности. В 2007 г. государственные расходы на общественную безопасность СУАР равнялись 5,45 млрд юаней²³. Затем в связи с развитием террористической опасности они стали быстро расти. В 2017 г. правительство потратило на обеспечение внутренней безопасности в Синьцзяне рекордные 57,95 млрд юаней (\$9,1 млрд) [25, p. 55]. В 2023 г. расходы на поддержание общественной безопасности в автономном районе составили 44,15 млрд юаней (\$6,2 млрд)²⁴.

Роль Синьцзяна заключается не только в его геостратегической значимости, она весьма важна в контексте политической истории китайского государства, поскольку в дискурсе политической культуры КНР Синьцзян рассматривается как неотъемлемая исконная часть Китая. Эта же позиция характерна и по отношению к неханьским этническим группам, которые представляются как неотъемлемая часть «китайской нации» [26, p. 15].

В то же время эти этнические группы воспринимаются как «менее китайские», нежели собственно ханьцы, составляющие ядро китайской нации. Группы этнических меньшинств, в т.ч. уйгуры, характеризуются как «экзотические», «другие», что вполне закономерно объясняется их культурными, языковыми, религиозными отличиями. В результате попытки китайского правительства осуществлять этническую интеграцию и в то же время подчеркивать этнические различия приводят к некоему кризису идентичности с обеих сторон [26]. Это, в свою очередь, способствует развитию межэтнических конфликтов в 2000-е гг.

В целях урегулирования этих конфликтов центральное правительство КНР осуществляет программы развития и проводит политику ассимиляции, которая усилилась в период руководства Си Цзиньпина. В рамках китаизации (синизации) реализуется политика ассимиляции, направленная на формирование общекитайской нации, объединяющей все 56 официальных народов КНР. В то же время часть представителей национальных меньшинств продолжает оставаться недовольной своим социально-экономическим положением и негативно воспринимает политику китаизации Синьцзяна.

Политика ассимиляции проводится в сфере образования, культуры и религии [27]. Неханьские этнические группы характеризуются как часть «китайской нации», но не как ее равноправные составляющие. При подчеркивании их самобытности акцент делается на некоторые внешние проявления культуры – музыку, танцы, народные костюмы, однако это делается в основном для туристического маркетинга [28]. Этнические меньшинства в определенной мере рассматриваются как опасность для национального государства, которую необходимо нейтрализовать с помощью ослабления идентификации со своей этнической группой и усиления идентификации с «китайской нацией» [29, p. 51].

²² Crackdown in Xinjiang: Where have all the people gone? *Financial Times*. 2018. <https://www.ft.com/content/ac0ffb2e-8b36-11e8-b18d-0181731a0340> (accessed 15.07.2024)

²³ В доступных официальных источниках, в т.ч. на сайте Народного правительства СУАР, отсутствует информация об исполнении бюджета автономного района за период ранее 2007 г. (*прим. авт.*).

²⁴ <https://ceicdata.com/en/china/local-government-xinjiang/xinjiang-government-expenditure-public-security> (accessed 15.07.2024)

Как показывают китайские исследования, нередко именно СМИ формируют в сознании ханьцев стереотипные образы представителей национальных меньшинств и иногда эти образы носят негативный характер [30, p. 5]. По мнению ряда исследователей, правительство КНР поддерживает развитие Синьцзяна не с целью его превращения в экономически развитую провинцию, а для обеспечения национальной безопасности и территориальной целостности. Синьцзян по-прежнему рассматривается как проблемный регион в рамках борьбы с сепаратизмом, терроризмом и экстремизмом.

Самой сложной и долгосрочной проблемой в Синьцзяне является вопрос национального единства, которому мешает религиозный экстремизм представителей мусульманских тюркоязычных меньшинств. В свою очередь, ключом к решению проблем, безусловно, является социально-экономическое развитие [17; 31].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Публикации китайских СМИ, официальные пресс-релизы Госсовета КНР представляют Синьцзян как успешный развивающийся регион, в котором процветает «китайская нация», а о проблемах говорится в весьма расплывчатых формулировках. Однако развитие Синьцзяна характеризуется комплексом социально-экономических проблем. Эти проблемы обусловлены рядом причин, к которым относятся этнические противоречия, территориальная оторванность от центра, отношение Пекина к Синьцзяну как к ресурсно-сырьевому придатку, снизившаяся, но сохраняющаяся угроза терроризма и экстремизма.

После прихода к власти Си Цзиньпина в КНР активизируется борьба с терроризмом и религиозным экстремизмом; в направлении ликвидации этих проблем в СУАР были достигнуты определенные успехи, Синьцзян стал достаточно стабильным регионом. Но при этом сохраняется латентное недовольство части уйгурского населения.

Несмотря на все свои региональные преимущества, Синьцзян-Уйгурский автономный район не в состоянии самостоятельно реализовывать стратегию «Большого освоения Запада» и проект Нового Шелкового пути, используя только внутренние ресурсы. Это обуславливает неизбежность развития Синьцзяна за счет инвестиций центрального правительства КНР и отсутствие перспективы ослабления контроля и расширения реальной районной автономии. Кроме того, для реализации крупных экономических проектов и укрепления социальной стабильности в автономном районе неизбежной будет оставаться организованная ханьская миграция в СУАР. Будет продолжаться приток ханьских специалистов в сфере технологического производства и торговли из внутренних провинций Китая, что, соответственно, будет сохранять проблему этнической конкуренции. В свою очередь, правительство КНР будет вынуждено продолжать курс на поддержание стабильности в автономном районе посредством строгого контроля и финансовых дотаций.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Hong Y., Yang W. 2020. Oilfields, Mosques and Violence: Is There a Resource Curse in Xinjiang? *British Journal of Political Science*. Vol. 50. № 1. Pp. 45–78. DOI:10.1017/S0007123417000564
2. 江泽民. 不失时机地实施西部大开发战略 (Jiang Zemin. Implement the Western Development Strategy Without Losing Time). (In Chin.). <http://www.reformdata.org/1999/0617/5803.shtml> (accessed 01.07.2024)
3. Holbig H. 2004. The Emergence of the Campaign to Open Up the West: Ideological Formation, Central Decision-making and the Role of the Provinces. *The China Quarterly*. № 178. Pp. 335–357. DOI:10.1017/S0305741004000207
4. Баженова Е.С., Островский А.В. Синьцзян – горизонты нового Шелкового пути. М.: Изд-во МБА, 2016. 276 с. Bazhenova E.S., Ostrovskiy A.V. 2016. Xinjiang – Horizons of the New Silk Road. Moscow. 276 p. (In Russ.)
5. Mayer M., Zhang X. 2020. Theorizing China-world integration: sociospatial reconfigurations and the modern silk roads. *Review of International Political Economy*. Vol. 28 (4). Pp. 974–1003. DOI: 10.1080/09692290.2020.1741424
6. Rippa A. Borderland Infrastructures. Trade, Development, and Control in Western China. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2020. 282 p.
7. Lai H. 2021. The Rationale and Effects of China's Belt and Road Initiative: Reducing Vulnerabilities in Domestic Political Economy. *Journal of Contemporary China*. Vol. 30 (128). Pp. 330–347. DOI: 10.1080/10670564.2020.1790896

8. Буяров Д.В. Синьцзян-Уйгурский автономный район в международных отношениях Китая: часть Нового шелкового пути или очаг конфликта? *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 7. С. 31–39. DOI: 10.31857/S032150750016491-2
Buyarov D.V. 2022. Xinjiang Uyghur Autonomous Region in China's International Relations: A Part of the New Silk Road or a Hotbed of Conflict? *Asia and Africa today*. № 7. Pp. 31–39. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750016491-2
9. 陈宏. 学习领会习近平总书记治疆方略的要义和内涵. (Hong C. Studying and Understanding the Essentials and Meaning of General Secretary Xi Jinping's Strategy for Governing Xinjiang). (In Chin.). file:///C:/Users/Home/Downloads/Studying-and-Underst.pdf (accessed 05.07.2024)
10. Сыроежкин К.Л. Синьцзян: большой вопрос для Китая и Казахстана. Алматы, 2015. 336 с.
Syroezhkin K.L. 2015. Xinjiang: a Big Question for China and Kazakhstan. Almaty. 336 p. (In Russ.)
11. Kong T.Y. China's Western Region Development Strategy: Promises and Challenges. *EAI Background Brief No. 1596*. <https://research.nus.edu.sg/eai/wp-content/uploads/sites/2/2022/07/EAIIBB-No.-1596-Chinas-western-region-devt-strategy-2.pdf> (accessed 02.07.2024)
12. Bai P. Problems and Suggestions for Countermeasures to Promote Common Prosperity in Xinjiang's High-quality Development (In Chin.). (In Chin.). <https://xjdr.xinjiang.gov.cn/xjfgw/hgjj/202302/35f1e3e9165d4441ba90204a7a1a1f44.shtml> (accessed 15.07.2024)
13. 蒋飞. 新疆经济分析报告 (Jiang F. Xinjiang Economic Analysis Report). (In Chin.). <https://finance.sina.cn/zl/2023-11-06/zl-imztshxq3403005.d.html?from=wap> (accessed 15.07.2024)
14. Kriebitz A. 2022. Western Sanctions on Xinjiang: An Impact Assessment. *Georgetown Journal of International Affairs*. Vol. 23. № 2. Pp. 238–245.
15. Svec J. 2022. Labour transfers as a means of 'civilizing' and forcibly assimilating ethnic minorities in western China. *Central Asian Survey*. Vol. 41 (3). Pp. 385–401.
16. Clarke M. 2022. Dizzy with Success: Xi Consolidates Repression in Xinjiang. <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/dizzy-success-xi-consolidates-repression-xinjiang> (accessed 10.07.2024)
17. Zhou C. 2021. How is Xinjiang's Economy Holding Amid US Sanctions, and Can China Keep Supporting its "Great Burden"? *South China Morning Post*. https://www.scmp.com/economy/china-economy/article/3150751/how-xinjiangs-economy-holding-amid-us-sanctions-and-can-china?campaign=3150751&module=perpetual_scroll_0&pgtype=article (accessed 15.07.2024)
18. Zenz A. 2019. Beyond the Camps: Beijing's Long-Term Scheme of Coercive Labor, Poverty Alleviation and Social Control in Xinjiang. *Journal of Political Risk*. Vol. 7. № 12. <https://www.jpolrisk.com/beyond-the-camps-beijings-long-term-scheme-of-coercive-labor-poverty-alleviation-and-social-control-in-xinjiang/> (accessed 15.07.2024)
19. Brox T., Bellyr-Hann I. On the Fringes of the Harmonious Society: Tibetans and Uyghurs in Socialist China. Copenhagen: NIAS Pres, 2014. 368 p.
20. Cherg S., Hasmath R., Ho B. 2019. Holding up Half the Sky? Ethno-gender Labour Market Outcomes in China. *Journal of Contemporary China*. Vol. 28. № 117. Pp. 415–433. DOI:10.1080/10670564.2018.1542222
21. MacDonald A., Hasmath R. 2019. Outsider Ethnic Minorities and Wage Determination in China. *International Labour Review*. Vol. 158. № 3. Pp. 489–508. DOI: 10.1111/ilr.12074
22. Hou Y., Liu C., Crabtree C. 2019. Anti-muslim Bias in the Chinese Labor Market. *Journal of Comparative Economics*. № 48. Pp. 1–17. DOI: 10.1016/j.jce.2019.12.001
23. Steenberg R., Rippa A. 2019. Development for all? State schemes, security, and marginalization in Kashgar, Xinjiang. *Critical Asian Studies*. Vol. 51. Pp. 1–22. DOI: 10.1080/14672715.2019.1575758
24. Zuo J., Lin S. 2022. Government of Xinjiang Uyghur Autonomous Region Credit Report. *Pengyuan Credit Rating (Hong Kong)*. https://www.cspi-ratings.com/pengyuancms/rating-actions/rating/Pengyuan-International-Assigns-A-Rating-to-the-Government-of-Xinjiang-Uyghur-Autonomous-Region-Outlook-Stable/IssuerCreditReport_XinjiangGovernment_PengyuanInternational.pdf (accessed 15.07.2024)
25. Hasmath R. 2022. Future Responses to Managing Muslim Ethnic Minorities in China: Lessons Learned from Global Approaches to Improving Inter-Ethnic Relations. *International Journal*. Vol. 77 (1). Pp. 51–67. DOI: 10.1177/00207020221097991
26. Tobin D. Securing China's Northwest Frontier: Identity and Insecurity in Xinjiang. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. 286 p.
27. Буяров Д.В. Развитие двуязычного образования в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая на современном этапе. *Восток (Oriens)*. 2023. № 1. С. 139–150. DOI: 10.31857/S086919080023793-9
Buyarov D.V. 2023. Development of Bilingual Education in the Xinjiang Uyghur Autonomous Region of China at the Present Stage. *Vostok (Oriens)*. № 1. Pp. 139–150. (In Russ.). DOI: 10.31857/S086919080023793-9
28. Alpermann B. 2023. China's Peripheries: the Cases of Tibet and Xinjiang. *Open Res Europe*. № 3:86. Pp. 1–14. <https://doi.org/10.12688/openreseurope.16039.1> (accessed 01.07.2024)

29. Bulag U.E. 2021. Minority Nationalities as Frankenstein's Monsters? Reshaping "the Chinese Nation" and China's Quest to Become a "Normal Country". *China Journal*. Vol. 86. Pp. 46–67. DOI: 10.1086/714737
30. Jin J., Pei G., Ma Q. 2017. They Are What You Hear in Media Reports: The Racial Stereotypes toward Uyghurs Activated by Media. *Frontiers in Neuroscience*. Vol. 11. Pp. 1–8. DOI: 10.3389/fnins.2017.00675
31. Yu M. 2018. China's Final Solution in Xinjiang. <https://www.hoover.org/research/chinas-final-solution-xinjiang> (accessed 01.07.2024)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Буяров Дмитрий Владимирович, кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории, философии и культурологии, Благовещенский государственный педагогический университет, Благовещенск, Россия.

Dmitry V. Buyarov, PhD (Philosophy), Associate Professor, Head, Department of General History, Philosophy and Cultural Studies, Blagoveshchensk State Pedagogical University, Blagoveshchensk, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 23.08.2024

Доработана после рецензирования
(Revised) 17.01.2025

Принята к публикации
(Accepted) 12.02.2025